

«НЕ СТРАШНЫ НИКАКИЕ СОЛОВЬИ-РАЗБОЙНИКИ»

Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе*

Русский генерал Пётр Семёнович Махров (1 сентября 1876–29 февраля 1964) родился в Тамбове, в семье мещан. Окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище и академию Генштаба. Махров принял участие в Русско-японской войне, прервав по этой причине учёбу в академии и отправившись добровольцем на Дальний Восток. В ходе войны он отличился и за боевые отличия был награждён знаменитой «кляквой» — аннинским наградным оружием (орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»). Из-за войны академию Махров окончил только в 1907 году. В дальнейшем служил в штабе Виленского военного округа (1909–1912) и в Севастополе. Первую мировую он встретил штабс-капитаном. К 1914 году Махров был женат и имел дочь.

Генерал В. Н. фон Дрейер, знавший Махрова ещё в академии, так характеризовал своего товарища: «Широко образованный, очень начитанный, знающий довольно сносно три иностранных языка, уже в капитанском чине он начал писать в военных журналах и готовить диссертацию для занятия кафедры в академии Генерального штаба. Его литературные опыты не всегда нравились его начальству, и он должен был даже уйти из Виленского штаба и перевестись в Севастополь»¹. В годы Первой мировой войны Махров в основном служил в штабе 8-й армии генерала А. А. Брусилова, причём за храбрость удостоился Георгиевского оружия, а в сентябре 1917 года был произведён в генерал-майоры. Октябрьскую революцию Махров встретил исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта (на этом посту находился с 3 октября 1917 года).

1918-й год Махров провёл с семьёй в Полтаве, пытаясь сориентироваться в быстро менявшейся обстановке и, видимо, избежать вовлечения в начавшуюся братоубийственную войну. Однако генштабисту нужно было делать выбор, и Пётр Семёнович присоединился к белым. Заметим, что семья Махровых дала русской армии сразу трёх братьев-генштабистов. Самым старшим был Пётр, средним — Николай и младшим — Василий. Гражданская война расколола семью: Николай подался в Красную армию, Пётр и Василий сначала оказались у украинцев, а затем на белом Юге. О каких-то мировоззренческих различиях между братьями говорить не приходится. В конце августа 1919 года Николай даже передал старшему брату через линию фронта известие о том, что служит в Красной армии по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь². Пётр Семёнович в этой связи записал: «Меня эта весть очень взволновала... В данное время нас с Николаем разделяло пространство в 50 верст. Мы всем сердцем любили друг друга, но судьбой вынуждены идти один против другого, как враги»³. Со времени революции братья так никогда больше и не встретились. Как видим, Махров пережил трагедию раскола внутренней собственной семьи.

В Гражданскую войну Петру Махрову довелось воевать под Царицыном — будущим Сталинградом. Можно понять, с каким интересом он следил за боевыми событиями в уже знакомых местах в 1942–1943 годах. Летом 1919-го Махров-старший

поступил на службу в Кавказскую армию белых, которой командовал генерал П. Н. Врангель. Совместная работа с Врангелем сыграла свою роль в последующей службе Махрова. Генерал благополучно пережил смену командования на белом Юге в 1920 году и сохранил за собой высокий пост начальника штаба Вооружённых сил на Юге России даже после отставки генерала А. И. Деникина и прихода к власти Врангеля. У белых Махров-старший удостоился производства в генерал-лейтенанты.

В 1920–1924 годах Махров находился по поручению Врангеля в Польше, в том числе как представитель командования Русской армии (пребывание на военно-дипломатической службе спасло Махрову жизнь в годы Второй мировой, но об этом ниже), после этого переехал во Францию — сначала в Париж, а затем в Канны. В эмиграции зарабатывал на жизнь, давая уроки английского и русского языка.

Отношение Махрова к Великой Отечественной войне не было типичным в среде военных эмигрантов. К этому времени генерал проделал большую внутреннюю эволюцию и воспринял события 22 июня 1941 года как нападение на свою страну. Уже на следующий день, 23 июня (22 июня приходилось на воскресенье, и почта во Франции была закрыта), он направил полпреду СССР во Франции А. Е. Богомолу письмо следующего содержания: «Господин полпред! Долг солдата меня обязывает защищать мою Родину вместе с русским народом. Я прошу Вас ходатайствовать пред советским правительством о разрешении мне возвратиться в Россию и о зачислении меня в ряды Красной армии. Уважающий Вас П. Махров (генерал-лейтенант Генерального штаба)»⁴. Однако письмо попало к вишистским властям Франции, Махров в августе был арестован и заключён в концлагерь Верне во французских Пиренеях, где содержались многие русские эмигранты. Тогда-то и пригодились его неформальные связи, приобретённые в 1920–1921 годах в Варшаве. Среди знакомых Махрова оказался французский генерал Анри Альбер Ниссель, возглавлявший в начале 1920-х годов французскую военную миссию в Польше⁵. Именно ходатайство Нисселя позволило Махрову выйти на свободу в декабре 1941 года, сохранив жизнь и здоровье. По освобождении, находясь под надзором полиции, Махров с большим риском вёл дневник, в котором тщательно фиксировал события войны. Кроме того, генерал, как мог, боролся с пораженческими настроениями в эмигрантской среде. После войны Махров использовал свои дневниковые записи для подготовки обширных — в общей сложности несколько тысяч тетрадных страниц — воспоминаний и научных трудов. Умер и похоронен в Каннах.

Публикуемый фрагмент представляет собой отдельную главу неизданной книги Махрова «СССР 1917–1945» (Махров вычеркнул характерный подзаголовок работы: «Крушение старого мира»). Книга была написана в 1945 году на основе иностранной прессы и дневников генерала, но, как считал сам автор, требовала переработки. В 1952 году Пётр Семёнович вспоминал о своей работе над этой книгой: «Восхищённый победами русской армии и патриотизмом нашего народа, я внёс много чувства и недостаточно ярко отделил роль последних от деятельности сов[етского] правительства, которое вынуждено было считаться с волей армии и народа и отказаться от ортодоксального марксизма. Оно вынуждено было восстановить патриаршество, открыть церкви, вернуть армии и

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда РФНФ, проект № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Публикатор и редакция журнала «Родина» выражают благодарность куратору Бахметевского архива Колумбийского университета Т. Г. Чеботарёвой за любезное разрешение опубликовать данный материал и содействие в работе.

флоту царский военный мундир и отказаться от интернационального гимна, заменив другим. Фактически слава победы принадлежит только армии и народу. Условия эмигрантской жизни не дали мне возможности книгу переделать, но всё же думаю, что она может послужить как материал для будущего историка»⁶. Но в 1945 году Махров действительно был настроен восторженно и даже называл лидера большевиков Ленина русским национальным гением⁷.

Работа Махрова интересна по нескольким причинам. Во-первых, она разрушает стереотип о белой эмиграции как о лагере сплошных коллаборационистов и гитлеровских пособников, показывая, что там были и люди иных убеждений, в том числе среди высокопоставленных военных деятелей. Во-вторых, она интересна с точки зрения восприятия событий Великой Отечественной представителем старой России и проигравших Гражданскую войну белых.

Разумеется, свидетельство белого генерала о Сталинграде не содержит каких-то новых данных о самом сражении — это не рассказ непосредственного участника. Однако ценно оно прежде всего личностью автора. Очерк отражает серьёзную эволюцию взглядов одного из высокопоставленных военных деятелей Белого движения. В своем дневнике Махров так описывал этот процесс: «Несмотря на все свои ошибки, я никогда не переставал быть русским, гордиться этим, хотя пока гром не грянул и говорил — пойду с кем угодно, лишь бы против красных, очевидно не сознавая, что «кем угодно» не могут быть завоеватели и колонизаторы»⁸. Позиция Махрова пере-

кликается с убеждениями другого русского генерала-патриота Деникина, остававшегося для Махрова авторитетом в тяжёлые годы изгнания. Махров, однако, отмечал, что позиция Деникина — свергайте Советскую власть и защищайте Россию — не была применима в реальности, так как «в период нашествия неприятеля нам неуместно было вместе с немцами подрывать силу правительства, как[им] бы одиозным оно не казалось бы нам — эмигрантам»⁹. При этом Махров отмечал, что как сторонники белых в эмиграции, так и их близкие, оставшиеся после Гражданской войны на родине, «были честные русские люди и каждый по-своему патриот»¹⁰.

Конечно, отдельные утверждения генерала Махрова представляются архаичными и возвращают нас в эпоху Первой мировой и Гражданской войн. В особенности, когда он пишет об аэропланах и блиндированных дивизиях — эти термины в годы Второй мировой уже являлись достоянием прошлого. Вместе с тем в очерке Махрова видны глубокие и искренние переживания за судьбу России, подлинный патриотизм. Белый генерал не скрывал радости в связи с победой советских войск, прямо писал о преемственности дореволюционного и советского периодов истории нашей страны. По мнению Махрова, именно победа под Сталинградом вывела СССР в число великих держав.

Очерк публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей документа, явные опуски исправлены без оговорок.

*Вступительная статья, публикация и примечания
Андрея Ганина, кандидата исторических наук*

Пётр МАХРОВ

СТАЛИНГРАД

Вот как описывала бои под Сталинградом немецкая газета «Berliner Börsen zeitung» 14 ноября 1942 г.: «Борьба мирового масштаба, которая происходит под Сталинградом, выражается в громадном, решительном бою. Те, которые там сражаются, знают только ужасные подробности, но неспособны понять его значения полностью и предвидеть его конца. Те, которые в этом нервном напряжении переживут бои, сохранят навсегда воспоминание об этом аде, как бы выгравированном раскалённым железом. Следы этих боёв не изгладятся никогда. Только потом будут зарегистрированы черты этих сражений, не имевших ничего подобного в военной истории, и будет создана теория тактики уличных боёв, которая ещё никогда не знала ни таких размеров, ни такого широкого применения техники, ни такой продолжительности. Это впервые в истории защищался войсками город, вновь отстроенный по последнему слову науки и защищался до последнего обломка стены.

Брюссель и Париж капитулировали. Но вот: противник! Противник, не щадящий своего города. Несмотря на наше численное превосходство, наши атаки безуспешны».

Пред этими боями меркли и африканские события и английские воздушные бомбардировки городов Германии и Италии. Взоры всего мира были обращены к Сталинграду. Здесь решалась судьба советской России и судьба дальнейшей истории всего мира.

Немецкое железное кольцо всё больше и больше вдавливалось в город с запада на восток и уже приняло форму подковы, готовой расчлениться у Волги, разрезать гарнизон на две части и задушить его в двух узких полосах, простреливаемых насквозь огнём ручных пулемётов.

Весь мир, затаив лихорадочно дыхание, устремил свои взоры на восток к Сталинграду. Дождётся ли помощи гарнизон, хватит ли сил у красного командования, хватит ли сил у советской России.

Сталинград защищали все, дрались все: генералы, солдаты, старики, женщины, подростки, мальчики.

Сражались всюду: в воздухе, на земле, под землёй, на воде, на Волге.

Немцы засыпали гарнизон артиллерийскими снарядами, бомбами аэропланов, ружейным, пулемётным огнём, взрывались подкопы, в развалинах дрались ручными гранатами, кололи друга друга штыками; Волга точно кипела от падающих бомб, снарядов, пулемётных

и ружейных пуль. Подвоз по Волге прерывался.

Это был ад огня, грохот от разрывов и стрельбы, сливавшийся в один жуткий лейтмотив. Это был ад густой пыли и свиста от разлетающихся в порошок камней, от рушившихся домов, от блокгаузов, сметавшихся как карточные домики. Это был ад для бойцов порою сутками без возможности проглотить корку хлеба, выпить стакан воды. Это был ад скреж[ещ]ащих и визжащих, как драконы, пропеллеров немецких и красных аэропланов, уничтожавших друг друга. Это был ад, над которым... жалобно плакала русская снежная вьюга, покрывая своим белым саваном раненых, убитых и живых.

Это был момент, когда вся советская Россия, вся тысячелетняя Россия, жила как одна, жила мыслью о спасении Сталинграда.

Психология знает факты, когда человек в минуту неизбежной необходимости, проявляет такую силу, какой ни он сам, ни другие не могли от него ожидать в условиях обычной жизни. Она знает, что, когда человеку грозит опасность гибели, перед ним вмиг проходят все наиболее яркие факты его жизни и, как бы черпая в этом прошлом силу, он проявляет невероятную энергию для своего спасения.

офицеры»... А православная церковь рукой блюстителя престола Патриарха Московского и Всея Руси благословляла всех на ратный подвиг.

17 ноября был критический момент для гарнизона Сталинграда. Фон Паулюс бросал свежие войска в атаку. Осаждённый город горел. Страшное красное зарево пожара отражалось в небе ночью и, казалось, вот-вот замолкнет всё в осаждённом городе...

Немецкая пропаганда сообщала, что в Сталинграде они уж занимают только груды развалин домов, выбивая оттуда огнёмётами и бомбами «большевиков».

Прошёл ещё один ужасный день... Немецкая авиация и артиллерия засыпали бомбами защитников развалин... В развалинах и между ними шла охота людей на людей... Сражались группами, дрались один на один... Немцы превосходили числом и всё больше и больше отвоёвывали пространство... Красная артиллерия с левого берега посыпала огнём немцев на окраинах города, загоняя их в окопы. Красная авиация вела непрерывный бой с противником в воздухе... Было плохо с продовольствия, но и патронов.

Вдруг на рассвете 19 ноября что-то произошло у противника... Это с северо-запада и с юга подходили красные войска... Они обрушались на фланги армии генерала фон Паулюса и прорвали их. Прошло ещё два дня. Красная армия, разбив немцев на Дону, 22 ноября заняла Калач и оттеснила немецкий гарнизон к Сталинграду. Сомкнулось кольцо Красной армии у Калача, и 6-я немецкая армия из положения осаждающей стала осаждённой. Теперь генералу фон Паулюсу пришлось сражаться при самых неблагоприятных условиях на два фронта: против гарнизона Сталинграда и против его окружавшей Красной армии. Шли опять ужасные бои внутри города. Красный гарнизон то оборонялся, то переходил в атаки, чтобы приковывать силы противника, стеснять его свободу маневрирования против внешнего красного фронта. Теперь уже генерал фон Паулюс ждал помощи, рассчитывая, что немецкое командование атакует Красную армию с запада или с юга от Котельникова, где в резерве стояла сильная группа фон Манштейна из 8 дивизий, в том числе двух блиндированных¹¹.

Между тем события под Сталинградом для гитлеровской армии были только фатальным началом, разрушившим все расчёты немецкого Генерального штаба.

Наука ещё не установила законов психологии народных масс, но история оставила для изучения факты, из которых можно сделать выводы, что народ, как коллективный организм, в минуту, когда пред ним стоит быть или не быть, проявляет страшную силу. В этот момент происходит психическая кооперация людей, переживающих данное событие, связывающая их героическим историческим прошлым, которое является непонятной силой — силой души национальной.

«Только та страна сильна, которая хранит заветы своей старины!»

В ноябрьские дни советская Россия переживала именно этот исторический момент и в это время, несмотря на численное и материальное превосходство немцев, она оказалась сильнее их.

Когда в эти дни, в ноябрьскую стужу, чтобы не быть обнаруженными немцами, по ночам шли издали красные войска на выручку гарнизона, то с ними незримо шагали князья полки с князем Александром Невским, шли Кузьма Минин и князь Пожарский с земским и дворянским ополчением, царь Пётр со своими потешными, генералиссимус Суворов со своими чудо-богатырями, фельдмаршал Кутузов с гренадёрами в киверах, с государственным ополчением и партизанами Давыдова, Фигнера, Сеславина, адмирал Нахимов и адмирал Корнилов с солдатами и матросами Малахова кургана и, встав из карпатских и прусских могил со своими ротами, эскадронами, сотнями, батареями спешили сюда, на выручку красному гарнизону «золотопогонные

На южном фронте: Воронеж — Клетская атака Красной армии принимали серьёзный характер, в некоторых местах немецкий фронт был прорван на 75 км в глубину. Почти одновременно на Кавказе Красная армия овладела Орджоникидзе и Нальчиком.

Таким образом, на южном фронте вместе с осадой Сталинграда начались операции широкого масштаба, и немецкому командованию не так легко было бросать свои дивизии на выручку Сталинграда.

Тем не менее Гитлер приказал двинуть корпус фельдмаршала Манштейна от Котельникова. Красное командование для обеспечения своей армии, осаждавшей 6-ю немецкую, применило свою тактику массирования артиллерии, выставив здесь двойную линию батарей. Корпус фон Манштейна был встречен страшным огнём артиллерии и одновременным переходом красных блиндированных дивизий в контратаку с участием штурмовиков. Фон Манштейн был разбит под Котельниковым наголову и отброшен на юго-запад.

Это была одна из замечательных побед Красной армии в открытом поле один на один с очень сильным противником, имевшим энергичного начальника.

Между тем одновременно с окружением Красной армией Сталинграда загорелся бой на всём фронте от Ленинграда до Сталинграда и на Кавказе.

24 ноября немецкие газеты официально сообщили, что «большевики» перешли в наступление на всём фронте.

Однако это ещё не было наступлением. Мы нигде не видим всепокрушающего удара тяжёлым молотом, операций большого стиля.

Красная армия на всём фронте, точно ломом, долбила своей могущественной моторизованной артиллерией и бомбовозами то тот, то другой участок фронта в общем плане зимней компании. Встретив серьёзное сопротивление, советское командование прекращало там атаку и, сосредоточив быстро силы на другом участке, начинало вновь их долбить. Так советское командование вынуждало немцев перебрасывать свои резервы, пускать их в бой, вновь накапливать и вновь перебрасывать и изматывала врага, проявляя замечательное искусство в ведении боя зимой.

Один немецкий корреспондент писал: «На четвёртый день русских атак, утром бушевала на всём поле сражения снежная буря. Можно было видеть только метров на двадцать перед собой. Большевики, пользуясь снежной завесой, безостановочно возобновляли их попытки прорвать наши линии танками и в 20 метрах среди метели вдруг, как призрак появлялся танк, и так было на всем поле боя. Впереди, сзади, на флангах, всюду ждали появление этого рода галлюцинации, сеявшей огонь и смерть. Можно себе представить, какого напряжения сил, моральных и физических, требует подобный бой от генерала до солдата и до санитаря».

Такие бои вела вот уже шестую неделю Красная армия под Сталинградом. Гитлер приказал генералу фон Паулюсу держать город во что бы то ни стало и непрестанно на аэропланах подвозить ему резервы, оружие и всякого рода снабжение.

Непрестанно красная авиация их атаковывала и сбивала их противозащитная красная артиллерия... По ночам производилась перегруппировка войск. Шла подготовка штурма.

За это время к концу декабря на южном фронте, на верхнем Дону Красная армия, прорвав немецкий фронт на 100 км в длину, двинулась на Миллерово. На Кавказе были заняты Орджоникидзе и Нальчик, и немцы начали отступать с Кавказа. 31 декабря стало известно, что фельдмаршал фон Бок сменён и на его место назначен генерал фон Паулюс. Это было наилучшим доказательством того, что произошло на южном фронте для немцев.

На северном фронте было не лучше. Красная армия освободила Шлиссельбург и Великие Луки, причём гарнизон последних, отказавшийся сдаться, был перебит.

Но Ржев на севере и Сталинград на юге, два важнейших стратегических пункта, продолжали держаться. Первый обороняли немцы. Второй — красный гарнизон.

10 января 1943 года начался штурм Сталинграда.

Прошло два месяца со дня окружения армии генерала фон Паулюса. Она была изнурена, замучена, начались болезни, большая смертность. Советское командование послало предложение прекратить бесцельное сопротивление и пред-

ложило немецкому гарнизону почётную сдачу. Генерал фон Паулюс предложение отклонил. Немецкая пропаганда почему-то сравнила Сталинград с Фермопилами, в то время, как немцев ждали Канны Ганнибала. Гитлер произвёл генерала фон Паулюса в фельдмаршалы. Красная армия продолжала штурм. Немцы стали сдаваться уже целыми частями. Бои продолжались ещё две недели, и 2 февраля 1943 г. 6-я германская армия вынуждена была капитулировать...

Это было ужасное поражение для немцев: 96 000 убитых на поле сражения, 72 000 пленных офицеров и солдат, 134 аэроплана, 1800 танков, 2200 пушек, 7000 грузовых автомобилей попало в руки победителей¹².

Три дня и три ночи, одетая в национальный траур, оплакивала Германия это страшное бедствие.

Сталинград был могилой 6-ой германской армии и надгробным камнем прусского милитаризма.

Сталинград был самой блестящей победой СССР, началом разгрома германского могущества.

Сталинград дал возможность союзникам подготовиться для создания второго фронта в Европе и начать активные действия в Африке и на Дальнем Востоке.

Сталинград есть образец военного искусства, которого ещё не знала военная история.

Сталинград показал всему миру силу и красоту духа Красной армии и могущество СССР.

Как под Полтавой Пётр I из «всех царств московского государства» создал великую европейскую Российскую державу, так Красная армия под Сталинградом создала из СССР великую державу мировую.

Здесь под Сталинградом СССР вдохнул в себя полной грудью национальную, обновлённую революцией, душу живую всея России. Здесь под Сталинградом развернул свою богатырскую грудь наш легендарный Илья Муромец, крестьянский сын, которому не страшны никакие Соловьи-Разбойники.

Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University). P. S. Makhrov Collection. Box 8. Машинопись с рукописными вставками.

Примечания

1. Дрейер В. Н., фон. На закате империи. Мадрид. 1965. С. 174.
2. Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России. СПб. 1994. С. 88–89.
3. Там же. С. 89.
4. Махров П. С. Белая эмиграция в период

2ой мировой войны//Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, BAR). P. S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь № 2. С. 113.
5. Там же. Тетрадь № 6. С. 501.
6. Махров П. С. СССР 1917–1945//BAR. P. S. Makhrov Collection. Box 8. Лист не нумерован.

7. Там же. С. 426.
8. Махров П. С. Белая эмиграция...//BAR. P. S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь № 2. С. 122–123.
9. Там же. С. 145.
10. Там же. С. 149.
11. Здесь и далее блиндированными дивизиями автор именует механизированные или моторизованные

соединения противоборствующих сторон.
12. Махров неточен. Потери немецкой и союзных ей армий под Сталинградом составили свыше 800 000 человек убитыми и ранеными и, по разным подсчётам, не менее 130 000 человек пленными. Существенно отличаются от утвердившихся в историографии и данные, приведённые Махровым по трофеям.